

ДИСКУССИИ

В этом номере мы продолжаем начатую в прошлом году практику публикации экспертных обсуждений в формате круглых столов по актуальным общественно-практическим проблемам Украины и мира. Этот опыт мы будем развивать в сотрудничестве с экспертами в области разных социальных наук и других сфер общественной жизни. Так, в текущем номере мы представляем результаты совместной инициативы редакций двух журналов — нашего и “Філософської думки” — касательно публикации материалов дискуссии по проблематике постправды.

Понятийный неологизм “постправда” (post-truth) получил признание и популярность мирового масштаба в последнее время. И хотя тема разных “режимов” истины, манипулятивно-фиктивной или односторонне-спекулятивной информации, вымышленных фактов и т.п. не нова, понятие “постправда” актуализирует качественно иной уровень проблемы в ее сегодняшней едва ли не повсеместной распространенности и активных проявлениях, прежде всего в медийной и общественно-политической областях современного информационного общества.

С такой проблемой не справиться без должного профессионального прояснения. Ведь режимы постправды или постистины, распространяемые, в частности, через массовые социальные медиа, довольно активно проникают и в повседневный опыт людей. Это — опыт, принесенный именно нашим временем. Именно поэтому чаще говорят не о постправде как таковой, а о ситуациях постправды, о людях и человечестве, которые ныне живут и действуют в эпоху постправды (the post-truth age) или, как эта ситуация обозначается в немецкоязычном дискурсе, — в эпоху постфактичности (postfactisch).

В ситуациях постправды “альтернативные факты” занимают место реальных, а эмоции и субъективные ощущения дезавуируют объективность. Как отмечал президент Оксфордских словарей, понятие постправды приобрело особую остроту на фоне слухов и сплетен, сопровождавших голосование по поводу Брексита и выборы нынешнего президента США. Но и в дальнейшем использование этого термина только нарастало, и, в конечном счете, “постправда” стала одним из слов, характеризующих наше время. Так же и для нас в Украине это понятие пришло вместе с опытом нынешней повседневности. Для нас — это опыт искажение фактов и действительности посредством СМИ и социальных сетей, как никогда прежде массового и почти тотального распространения. Это опыт гибридной войны (еще одно новое понятие эпохи постправды) — сочетания военных действий с информационно-пропагандистской агрессией. Это опыт использования всех видов современной массовой коммуникации в новейших условиях демократической открытости национальных публичных сфер и достигнутого уровня гражданских свобод для каждого.

Круглый стол, материалы которого мы публикуем в этом номере журнала, является одной из первых попыток системного осмысления этого актуального, разностороннего и, подчеркнем, опасного вне его критического осознания опыта человека. Мы надеемся, что предложенные подходы, мнения и определения понятия “постправда” и ситуаций постправды будут интересны широкому кругу потенциальных читателей — не только представителям академического сообщества — преподавателям, аспирантам и студентам, но и журналистам, независимым экспертам, политологам, а также заинтересованным в этой тематике политикам.

КОММУНИКАЦИЯ И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ Круглый стол журналов “Філософська думка” и “Социология: теория, методы, маркетинг”¹

Евгений Быстрицкий: Для начала попробую объяснить импульс идеи организации и проведения этого круглого стола. Это, во-первых, общая ситуация понимания особенности современной коммуникации из-за, скажем так, конвенциональных СМИ и, особенно, из-за универсализации, глобализации информационных потоков в социальных сетях, сайтах, мессенджерах, из-за контактов благодаря интернету. Следует особо подчеркнуть чрезвычайные информационные возможности каждого отдельного человека, не только выдающихся личностей, в донесении информационных посланий “всем”. Это возникновение неслыханной ранее роли даже рядового индивида в формировании массового общественного мнения с помощью современных средств коммуникации. Во-вторых, укажу, не претендуя на исчерпывающий статус, на те понятия, которые, несмотря на их распространенность, крайне нуждаются в прояснении. Среди них — центральное понятие постправды, эпохи постправды как общей характеристики времени, в котором мы сейчас пребываем. В Европе, в Германии о нашем времени постправды говорят еще и как о времени постфактичности (*postfaktisch*). Далее, с искажением фактов связано понятие фейка — искажение фактов, которое можно проверить таким инструментом, как стоп-фейк; здесь присутствует Тимофей Милованов, который как раз и организовал движение “Стоп-фейк” в Украине. Среди понятий, которые связывают с постправдой, часто упоминают популизм как способ политического поведения, использующий для собственного продвижения названные мной явления ситуации постправды. Очевидно, что постправда чрезвычайно важна, чтобы разобраться в этом понятии в условиях внешней агрессии и тотальной внешней пропаганды со стороны агрессора — России. Ведь с этим связывают феномен гибридной войны, в которой военные действия сопровождаются официальным созданием и распространением фэйковой информации для подтверждения “неправды” и дезинформацией неприятеля. Это пропаганда иных ценностей, иных взглядов на мир, иного мировоззрения. Еще ситуация постправды является очень важным признаком того, что мы называем историческим курсом. Далее, наконец, возникает вопрос, как возможен режим правды или более-менее объективной коммуникации или донесения объективной информации в эпоху постправды. Впрочем, вопрос, с которого мы с Виктором

---

¹ Дискуссия за круглым столом проходила в Институте философии им. Г.С.Сковороды НАНУ 12 июля 2018 года.

Степаненко, сомодератором этого Круглого стола как раз и начали думать о его проведении на платформе двух научных журналов — “Філософської думки” и “Соціології: ТММ”, — это национальный интерес в рамках внешней коммуникации в условиях постправды. Потому что мы видим, какую “русскую правду” продвигает пропагандистская машинерия России, с какой информацией об Украине мы — ученые, общественные активисты, политики — выходим наружу, встречаясь с иностранными экспертами, политическими деятелями, как мы доносим до них и интерпретируем то, что интерпретируется в терминах постправды как нашими неприятелями, так и общественным мнением других стран, особенно западноевропейских. Это все вопросы, которые мы очертили для обсуждения. И на этом я сейчас останавливаюсь, чтобы дать старт более серьезному разговору, который, надемся, несколько прояснит все эти и другие вопросы как для профессиональной публики, так и для общественности, журналистов, политиков и заинтересованных граждан.

Наталія Костенко

Украинские медиа: уплотнение контекстов недоверия

Несомненно, что тема круглого стола отсылает к каким-то новым изменениям современности, проецируя самые различные образы и инсайты, фокусы и перспективы обзора. Среди них как нельзя уместным остается представление Фуко относительно режимов истины, которые, как и “политика истины”, свойственны каждому обществу, предполагая типы рассуждений, претендующих на истинные, механизмы, технологии и процедуры, позволяющие производить и отличать истинные высказывания от ложных, а также статус тех, кому предписано сообщать то, что функционирует в качестве истинного. Воспроизводство таких режимов не обходится без современной власти, генеалогия которой, по Фуко, показывает, что эта власть соприкасается с человеческой жизнью в большей степени через социальные практики, чем через убеждения (Фрейзер). В медиатизированном обществе весь этот аппарат продуцирования истины и того, что стоит за нее принимать, существенно разветвляется и размножается.

Сегодня мы все пребываем внутри медиа, как когда-то, опережая время, предполагал МакЛуен, или же как бы находимся в центре ими созданной обволакивающей инсталляции, словами Скотта Лэша. Все попытки урезонить эти “вездесущие” медиа часто оборачиваются тем, что медиа дают нам сдачи самыми разными способами, непрерывно совершенствуясь технологически или раскрывая мимоходом то, что, казалось бы, надежно защищено от публичности. В Украине медиа прошли тот же путь, навёрстывая упущенное в глобальных трендах, своеобразно воплощаемых в локальных средах. Один из итогов новейшей истории украинских медиа — уплотнение контекстов недоверия к ним, что возбуждает неоднозначные социологические рефлексии, которые концептуально варьируют в широком диапазоне между поиском социальных эффектов и медиа-археологией, артикулирующей их немаловажную технологическую влияние.

Эмпирические свидетельства недвусмысленны: медиа-скептицизм в украинском обществе заметно возрастает в обстоятельствах дефицита доверия к институтам, а также насыщения социума различными медиа-источни-

ками. Это не столь уж удивительно на фоне снижения социального доверия практически повсеместно, не исключая развитые страны, чему есть множество причин и что актуализирует дискурс об условиях и механизмах современных демократий. В состоянии системной турбулентности, экономической рецессии, аннексии Крыма и военных действий на Донбассе, т.е. в состоянии “emergency” (термин Славоя Жижека), в котором последние четыре года пребывает украинское общество, невысокие показатели социальной открытости вполне объяснимы и предсказуемы.

Концепт “*emergency*” сегодня активно дискутируется, причисляется к кризисному вокабуляру, подразумевая приостановку отлаженных социальных и культурных порядков, временную отмену донныне действующих правил, задержку или отсрочку декларируемого или ожидаемого развития. Состояние, которое, несмотря на бытующую атмосферу “временности” происходящего, тяготеет к константе, транслируя ощутимые вибрации общего и частного существования на образ жизни людей, их интуиции, намерения и действия.

Реальность “*emergency*”, вписываясь в пространственно-временные координаты современной культуры – *множественность* и *одновременность*, обладает особыми онтологическими характеристиками. В пространственном измерении – налицо искажения географических границ, изъятие из области досягаемого отдельных территорий, деформация пространств медийного доступа: удлинение или сокращение дистанций в отношении отдельных мест и культур. В темпоральном измерении – пульсирующая апологетика или, напротив, дискредитация больших и малых исторических периодов как ставка в легализации настоящего и ближайшего будущего, тогда как индивидуальное внутреннее время, наше “*длящееся Я*”, как называл его Бергсон, зачастую разительно несинхронно ни астрономическим, ни запущенным в разных версиях культурным и политическим часам. Подчеркну: нынешние медиа не только существуют в этом общественном состоянии, но не в последнюю очередь конституируют его, изготавливают “*emergency*”, инвестируя аффективные атмосферы неотложности и ожидания, темпоральной рассредоточенности, изменчивой топологии существования.

Тем самым влияние СМИ на текущие контексты доверия в социуме остается весьма существенным, несмотря на пошатнувшийся авторитет телевидения как признанного аттрактора и исправного информатора. При разнообразии функций современных медиа вопрос об эффективности их прямого и опосредованного воздействия остается открытым, не существует строгой формулы ее измерения. Особенно принимая во внимание нашу собственную ситуацию, где имеется необходимость отстаивать национально-политическую идентичность в условиях информационных атак извне и соответствующего регулирования информационной сферы, очевидной политической мобилизации медиа-бизнеса, конкурирующей активности интернета и социальных сетей.

Несомненно, имеются очевидные *структурные оправдания* относительно того, доверять или не доверять медиа. Регрессионный анализ данных мониторинга “Украинское общество” (Институт социологии НАНУ) определяет два из них как наиболее важные – *материальный достаток семьи* и *регион проживания*. Первое означает, что с понижением материального статуса существенно понижается и доверие к публично циркулирующей ин-

формации, то есть чем хуже живут люди, тем они меньше доверяют тому, о чем сообщают им официальные медиа. Устойчива и строгая региональная дифференциация: с Запада на Восток траектория недоверия поразительно повышается, тогда как раньше этих различий не наблюдалось. В 2017 уровень недоверия в стране составлял 50%, в то время как в 2013 СМИ не доверяло вдвое меньше — 28%.

Среди *культурных оснований* доминирует политический акцент в восприятии и оценках медиа. Сопоставление доверия к СМИ с политическими установками аудиторий дает понять, что граждане расценивают медиа как инструмент политического воздействия, как публичное высказывание власти или тех, кто к ней непреодолимо стремится и нелояльностью к ним манифестирует свое недовольство политическими элитами. Между тем *“медиадизированная социальность”* (Фрош), к чему медиа приучили публику, одновременно продуцируя, например, феномены *“дистанционного сострадания”* и *“усталости от сочувствия”* или, скажем, *премедиации будущего* (Бек), едва ли описывается в терминах очевидных линейных зависимостей, будучи производной от глубинных культурных интенций, представлений о должном и желаемом, аффективных реакций.

Разумеется, восприятие медиа существенно зависит от их контента. По статистически значимым данным *“Мониторинга политических новостей”* (Академия Украинской Прессы), *стратегии ведущих украинских каналов* предусматривают публичную артикуляцию политических предпочтений их собственников и близких к ним политических игроков, что дифференцирует аудитории и явно не содействует укреплению доверия к каналам. Однако недоверие к СМИ возбуждает и *критическую способность обычного потребителя*, тогда как безоговорочная доверчивость к ним легитимирует его незнание в тех или иных областях, поскольку служит *“инструментом институциональной экономии”* (Розанваллон), отменяя задачу проверять информацию и устанавливая ее достоверность.

Восприятие украинских медиа как преимущественно политического и идеологического вещателя приглушает ожидания людей получить от них беспристрастную информацию. Возникает дилемма: или искать новые источники информации, или принять тот факт, что публичная сфера страдает двусмысленностью и на такую коммуникацию нельзя полагаться.

Собственно такие пути энергично осваиваются на фоне возрастающей включенности населения в интернет, доступ к которому заметно упростился с мобильных гаджетов буквально в последние несколько лет. А это — возможность радикально иных *“режимов истины”*, которым трудно противиться и противостоять. Такие режимы основаны как на порядках молниеносного оповещения о фактах и интересах новых сообществ, так и на практиках оперировать инструментами инфекции, мутации, колонизации различных сетей (Парикка), *генерируя контролируемые общества “программирующих”* и *“программируемых”* (В.Флюссер). Должно быть, рефлексия по поводу возможной сегодняшней конгруэнтности *идеи безопасности и свободы слова*, или шире — транспарентности общества, набирает силу, но едва ли предлагает единственно верные решения.

Георгий Касьянов: Я не знаю этих данных, но я уверен, что они объективны — в определенном смысле. Мне бы хотелось узнать, какие именно группы высказывают недоверие, есть ли какая-то более тонкая детализа-

ция? Я могу предположить гипотетически, но хотелось бы узнать точнее. Есть еще несколько вопросов. Первый такой. Вы собираете эти данные и проводите опросы, имея в виду некую гипотезу о том, что медиа либо не доверяют, либо доверяют. Есть ли у вас некий предохранитель, чтобы не попасть в ловушку и выяснить, что ваши вопросы не сформированы теми же медиа, не является ли ваш вопрос следствием работы этих медиа, которым никто не доверяет? И второй вопрос. С одной стороны, мы видим, и социология это фиксирует, что недоверие растет, а с другой — потребительский спрос на продукт медиа растет. Как с этим быть?

Наталья Костенко: Что касается данных и вопроса. Мы используем оттестированные временем методики в отношении доверия к медиа в нашем мониторинге “Украинское общество”, который Институт социологии проводит с конца 1990-х годов. Вопрос стоит в обойме других вопросов о доверии к социальным институтам и измеряется по одной и той же шкале. Что же касается того, влияют ли здесь сами медиа? Да, безусловно, влияют, как в общем-то на все. Я же сказала, мы находимся “внутри” медиа, коммуникации. И по-другому, наверное, быть не может. Во всяком случае, для наших людей не составляет проблемы ответить на вопрос “доверяете или не доверяете?”. Я вот, обращаясь к вам, могла бы спросить, а вам легко ответить на такой вопрос?

Георгий Касьянов: Я не вполне доверяю социологическим опросам, поэтому и спрашиваю.

Наталья Костенко: Вот видите, тут еще очень много всего примешивается. Что касается групп, мы провели анализ данных 2017 года, последних на сегодня. Он показывает такую картину. Два фактора являются наибольшим структурным оправданием этого самого недоверия. Прежде всего, это материальный статус группы и регион проживания. Что касается первого, то чем ниже материальный статус человека, тем уровень доверия к медиа меньше. Повторю: сегодня меньше. И это не совсем тривиальная вещь. То есть получается, что чем хуже живут сегодня люди, тем в меньшей степени они доверяют информации, которая распространяется по социальным медиа. Это первый момент. А что касается регионов, то здесь довольно устойчивая региональная дифференциация, и траектория недоверия к медиа поразительным образом растет с Запада на Восток. В целом, по данным 2017 года, 50%, то есть половина населения не доверяют медиа. Тогда как в 2013-м таких было вдвое меньше — 28%. При этом существует заметное различие по регионам. Если в Донецкой области — до 70% недоверия, то в западных — 35%. До 2013 года эти показатели доверия в региональном разрезе практически не различались. В общем об этом можно было даже не говорить.

Виктор Степаненко (модератор): Я добавил бы уточнение к тезису Н.Костенко в ее выступлении о снижении показателей общественного доверия к медиа в последний период. Я думаю, Наталья Викторовна согласится, что это снижение доверия следует понимать в контексте общего состояния институционального доверия в нашем обществе. И здесь, несмотря на негативную текущую динамику, медиа все еще сохраняют относительно высокие показатели общественного доверия — по крайней мере доверие к ним однозначно выше, чем ко всем институтам власти.

Наталья Костенко: У нас не всегда доверяли медиа. Им доверяли меньше, чем церкви и армии. Так и теперь, но сейчас еще и волонтерским организациям доверяют больше и всегда доверяли больше, чем президенту и правительству. Исключение составлял 2004 год в отношении президента Ющенко.

Виктор Степаненко

Объективность и ценности в эпоху постправды

Я хотел бы продолжить обсуждение нашей темы в социологической перспективе. И здесь одной из ключевых проблем, которая, по моему мнению, особенно актуализируется в современных обстоятельствах постправды, является проблема объективности касательно знания и информации. Во многом это сейчас общая проблема как для медиа, так и для социальных экспертных наук, в частности социологии. И поэтому мне представляется, что понимание, определенные методологические подходы и каноны объективности, исторически формировавшиеся в социологической научной традиции, могут быть по крайней мере уместны, а то и в определенной мере экстраполированы и на современные медиа.

Тем более, что для отечественной социологии проблематика объективности — это уже не только методологические ориентиры и теоретические рефлексии. Это уже и практика отстаивания, и определенный опыт утверждения профессиональных стандартов, в частности научной объективности результатов социологических исследований в противовес явлениям псевдосоциологии, например недобросовестным, непрофессиональным или манипулятивно сфальсифицированным опросам. Последние также являются проявлением постправды и, как показывает отечественная практика, уже стали активным инструментом политических манипуляций, особенно в периоды избирательных кампаний.

Итак, что делают социологи, чтобы противостоять псевдосоциологии и отстаивать каноны профессиональной объективности нашей науки? Во-первых, отечественное профессиональное социологическое сообщество уже выработало определенные профессиональные этические стандарты и правила (“Кодекс профессиональной этики социолога” от 2004 года), соблюдение которых социологами дает основания воспринимать определенное исследование как профессионально объективное, а значит — также честное и ответственное в этическом смысле. Во-вторых, важную роль в соблюдении этих стандартов и требований играет именно профессиональное сообщество, которое формирует и развивает профессиональный социологический этос путем открытых дискуссий, коммуникаций и организационной саморегуляции, в том числе через Социологическую ассоциацию Украины. И наконец — залогом объективности результатов социологических исследований служит опыт и история профессиональной репутации коллективов, которые проводят исследования. Кстате, тем же медиа и другим потребителям социологической информации всегда следует обращать свое внимание на то, кто проводил опрос или исследование. Например, фирмы-“однодневки”, которые как грибы после дождя внезапно появляются и так же куда-то исчезают после избирательных кампаний, должны вызывать как минимум здоровое подозрение в отношении объективности их данных не

только у профессиональных социологов. Это собственно и есть элементы социологической культуры всего общества, отсутствие которой становится благодатной почвой для различных проявлений постправды в отношении информации (и не только социологической), ее восприятия и потребления.

Профессиональная социология исследует социальные факты и оперирует ими как основным предметом своего анализа. В определенной мере такая опора на факты является также общей параллелью, которая роднит принципы работы научной социологии и профессиональных объективных медиа. Так вот — проблема объективности в работе с фактами в ситуациях постправды заключается не столько в том, что одни и те же факты могут быть проинтерпретированы по-разному (ситуация наполовину полного или наполовину пустого стакана). Наконец, именно разные интерпретации фактов неизбежны, учитывая не только разное их понимание интерпретатором, но и его/ее ценностные позиции. Проблема фактов в обстоятельствах постправды состоит скорее в отрицании самих фактов или же в продуцировании псевдофактов и в символическом конструировании выдуманной и сфальсифицированной реальности на их основе. Такими псевдофактами являются, к примеру, выдуманные кремлевскими пропагандистами истории о “распятом мальчике”, “проделках Яроша”, “изнасиловании немецкой девочки” и т.п. В обстоятельствах гибридной информационной (впрочем, и реальной) войны, в которой сейчас пребывает Украина, объективное восприятие реальных фактов предполагает, в частности, признание следующих вещей: 1) Украина — это жертва, а не агрессор и захватчик в этой войне; 2) Крым — согласно международному праву — является территориальной частью суверенной Украины, которая военным образом аннексирована Российской Федерацией; 3) военный сепаратизм на Донбассе и образование сепаратистских анклавов “ДНР” и “ЛНР” были инспирированы и стали возможными лишь благодаря прямому военному присутствию и военно-политической поддержке этого сепаратизма со стороны РФ. Симптоматично, что американский аналитический центр “Heritage Foundation” в своем Twitter-месседже от 5 июля в этом году составил даже своеобразную памятку о некоторых из этих фактов президенту Д.Трампу накануне его запланированной встречи с В.Путиным в Хельсинки.

Таким образом, в условиях постправды профессионально объективная социология должна работать с реальными социальными фактами, получать их (в том числе исходя из результатов объективных профессиональных исследований), а также проверять их объективность. Примерно то же самое должны делать и профессиональные медиа, в частности в своих необходимых процедурах проверки фактов (fact-checking), которыми они оперируют и которые обнаруживают.

Теперь вернемся к важной позиции касательно субъективных ценностей в соотношении с объективностью. Действительно, любая социальная наука и социология в том числе ценностно нагружена. Это касается и публичного дискурса. Ценностная нагрузка социологии проистекает из того простого факта, что именно люди исследуют людей. Ценностные позиции исследователя проявляются, например, в выборе проблемы исследования, в том, что он/она считают социально важным или культурно значимым в координатах ценностей, существующих в обществе, а также, как уже говорилось, и в способе интерпретации фактов. Социологический подход, в час-

тности в его понимании М.Вебером, состоит не в отрицании разных личных и коллективных ценностей, а в том, что социологи признают ценности как объективную реальность и способ организации человеческого восприятия социальной реальности и опыта. Исследователь, как и любой человек, имеет полное право на свою личную политическую и моральную позицию. Но он/она не могут приносить свое субъективное отношение, которое влияет на процесс и результат исследования социальных фактов или явлений. Такую позицию сознательного дистанцирования от личного восприятия в процессе исследования М.Вебер называет “свободой от оценки”. Социальный факт или явление не являются “плохим” или “хорошим” — их следует воспринимать именно как факты без субъективно ценностных оценок исследователя. Например, социолог как человек и гражданин может симпатизировать одному из кандидатов в избирательной гонке и быть лично против другого, но он/она не могут “корректировать” результаты предвыборного исследования в соответствии со своими личными симпатиями или антипатиями. В этом смысле для исследователя объективность — это наивысшая профессиональная и научная ценность, и ее подмена ценностью “практической” (или партийной) приводит к подмене объективной науки политической пропагандой. И здесь уже не остается места для полного восприятия и понимания фактов.

Необъективность научного исследования или его предвзятость (*bias*) может проявляться и в недостаточной (либо отсутствующей) аргументации в отношении утверждений и выводов, экстраполяции, нерепрезентативности данных (для социологии — и в плане критериев корректности методологии исследования и репутационной надежности источников), в селективном подборе фактов, источников и авторов под свою пре-концепцию и как результат — в определенной тенденциозности. Например, использование только русскоязычных источников для зарубежных авторов, исследующих современную Украину, может быть одним из проявлений односторонней селективности и несет риски тенденциозного или предвзятого восприятия наших реалий.

И в заключение хотел бы обратить внимание на еще один важный аспект, которого уже отчасти касались коллеги в своих выступлениях. Этот аспект касается неравномерности распределения властных и информационных ресурсов, особенно когда речь идет о диспропорциях властных геополитических конфигураций для Украины и украинского контекста. Речь идет об эффекте так называемой эпистемологической несправедливости. Эпистемологическая несправедливость (*epistemic injustice*) — это не о неравенстве доступа к знанию и информации (хотя это также важная проблема), а скорее о неравноправности диспозиций и диспропорциональности взаимоотношений власти и знания, а также о разных режимах знания. Миранда Фрикер, исследовательница этой тематики (*Miranda Fricker “Epistemic injustice. Power and the Ethics of Knowing”, Oxford, 2007*), приводит разные примеры эпистемологической несправедливости: 1) полиция может не доверять или предвзято относиться к свидетельствам чернокожего человека именно потому, что он чернокожий; 2) восприятие и доказательство фактов сексуальных домогательств (*sexual harassment*) явно проблематичны в культуре, в которой вообще отсутствует или слабо развита сама концепция *sexual harassment*.

Так вот, по этой аналогии Украина в обстоятельствах нынешней информационной войны находится в подобной ситуации эпистемологической несправедливости — прежде всего из-за несоизмеримости ее властных, организационных и финансовых информационных ресурсов по сравнению с пропагандистской машиной постправды путинского режима и шире — учитывая постколониальную дискурсивную диспропорцию между бывшими колонией и метрополией. Кстати, привлечение позиции эпистемологической несправедливости позволяет, например, Энтони Смитту (Anthony Smith) методологически разграничить национализм господствующей нации и постколониальный национализм с его элементами освободительной идеологии.

По моему мнению, социальная экспертиза и медиа, которые исследуют современную Украину и ее проблемы, должны также учитывать такого рода, так сказать, коэффициент эпистемологической несправедливости. Критика драматических проблем трансформации нашей страны необходима, но эта критика должна быть конструктивной, аргументированной и опираться на все объективные факты. И анализ проблем, трудностей и недостатков современного украинского развития должен по крайней мере содержать понимание ситуации в целом во всей ее сложной динамике и контекстах.

Галина Петренко

(Не)доверие к СМИ: что делать?

Не стовариваясь с коллегами, я тоже пришла с темой доверия к СМИ. В феврале 2018 года мы вместе с сотрудниками КМИС проводили опрос 2 тыс. жителей Украины. Все совпадает с тем, что мы только что услышали: медиа потребляют, но им не доверяют. Самые популярные СМИ в Украине — национальные телеканалы. 86% респондентов сказали, что они их смотрят, но при этом доверяют им только 57%. На втором месте — национальные интернет-медиа, на третьем — социальные сети, затем идут локальные медиа и прочие источники информации.

При этом 5% респондентов сказали нам, что продолжают смотреть российские телеканалы, — всего 5%, но это 1,4 млн человек. Еще из тревожного я бы отметила тот факт, что на четвертом году войны 15% респондентов считают, что войну на Донбассе начала Украина, и еще 33% не знают, кто ее начал.

Что можно сделать в этой ситуации? Один из ответов, основывается на нашей гипотезе. Мы не проверяли ее количественными методами, но проверяли в фокус-группах. Итак, при том, что у нас не очень высокое доверие к медиа, есть доверие к отдельным журналистам. И есть вообще такая тенденция, что украинцам, как и любым людям, любому народу, всегда нужны лидеры, нужны авторитеты. Это много обсуждают и в Украине, и за рубежом — в тех странах, которые столкнулись уже с подобными проблемами на выборах, в частности во Франции. Все сводится к тому, что в первую очередь нужно развивать у людей медиа-грамотность. Однако с медиа-грамотностью все хорошо, проблема с ней одна — это заработает лет через 10–15. Мы, например, в нашем исследовании спрашивали у людей, считают ли они, что украинцев нужно обучать медиа-грамотности, и 60% респондентов говорят, что нужно. Но когда мы спрашивали, будете ли вы сами учиться медиа-грамотности, те же 60% говорят, что не будут. Поэтому мы дальше спрашивали: “Как вы думаете, для кого предназначено обучение медиа-грамотности?” И

большинство считает, что это для детей и подростков. Соответственно, если детей будут обучать сейчас, плоды обучения вырастут вместе с детьми.

Еще нужно посмотреть на опыт Франции, где пишется законопроект о фейках, и администрация Макрона очень настроена его принять. В нем достаточно обобщен опыт информационной атаки, которая произошла во время выборов Президента Франции, в частности там есть определенные требования к тому, чтобы в онлайн-медиа декларировали, кто оплачивает ту или иную рекламу, и т.п.

Еще можно посоветовать развивать сотрудничество медиарегуляторов, как это делают в странах Балтии: там хотят внести такие изменения в свое законодательство, чтобы если медиарегулятор одной страны выявит нарушения в вещании какого-то телеканала, медиарегулятор соседней страны мог принять в работу эти доказательства и использовать их в своей стране, а не начинать процедуру сбора фактов и доказательств с самого начала — в конечном счете это позволит быстрее реагировать на нарушения.

Георгий Касьянов

“История вновь превратилась в идеологический фронт”

Я буду говорить как историк. С точки зрения историка, мы немного опоздали с этим разговором. Если бы лет 20 назад мы его начали, то сейчас не было бы определенных проблем. Сейчас у нас очень популярно говорить на разные исторические темы. Я хочу согласиться с первой докладчицей в том, что эти вопросы действительно очень интенсивно и все интенсивнее используются для легитимации современных способов мышления, действий и т.п. И я могу только сказать, что когда мы говорим об объективности, становится очевидным, что в историографии абсолютной объективности не существует. Единственными основаниями, на которые историки могут опираться в том, что называется объективностью, является так называемая дисциплинарная объективность, когда историки договариваются в смысле определенных конвенций, определенных процедур, которым они доверяют. И на основе этого они могут говорить, что тот или иной исторический труд объективен именно в смысле дисциплинарной объективности. Я думаю, что это касается и других гуманитарных дисциплин. Но это не касается политического использования истории.

История используется сейчас очень интенсивно. А если посмотреть на выступления Путина с 2008 года, с бухарестского саммита НАТО, мы видим, как исторический аргумент уже с того времени интенсивно использовался для обоснования территориальных претензий, а в перспективе — аннексии. Я не знаю, существовали ли планы аннексии, однако исходя из всех предыдущих событий можно предположить, что существовали, возможно, не в таком виде, но фактически вся программа 2014 года — с Крымом и “Новороссией” — уже прописана в речи на саммите. Потом Путин неоднократно пользовался разными историческими аргументами, чтобы доказать “объективно”, что Украина как государство не существует, а это старая песня — еще с середины XIX века: якобы Украина — это творение внешних сил, их “интрига”. Тогда это была “польская” или “немецкая” интрига, в данном случае — уже Запада, НАТО, Америки. В любом случае здесь используется именно история в качестве аргумента для аннексии и гибридной войны.

С нашей стороны, к сожалению, вынужден констатировать, история используется таким же образом — но на сей раз для защиты и контрпропаганды. То есть если мы возвращаемся к понятию пропаганды, которое тоже уже прозвучало здесь, то наша реакция — это контрпропаганда. Но на мой взгляд, симметричный ответ не работает, и мы фактически начинаем применять те же методы, к которым прибегают те, кто собственно все это спровоцировал. Я могу привести пример — украинско-польские дебаты по поводу прошлого, по поводу волынской трагедии, по поводу так называемой украинско-польской войны. Наше государственное учреждение абсолютно четко проводит линию на ту же постправду, как это делают с польской стороны определенные силы. Это конфликт между правыми и популистами с польской стороны и правыми и популистами с нашей стороны. Однако это все подается как конфликт между Украиной и Польшей и конфликт между поляками и украинцами. Хотя на самом деле это конфликт между двумя политическими сегментами в обеих странах, теми, что исповедуют этноцентрический исторический нарратив и никогда не договорятся. И мы, таким образом, обречены на то, что Украина и Польша якобы конфликтуют, хотя на самом деле конфликтуют конкретные политические силы. И это показательный пример того, что можно назвать постправдой, которая выходит в публичное пространство, в межгосударственное пространство, в пространство межгосударственной политики. Причем обе стороны признают, что в этом заинтересована третья сила, но несмотря на это продолжают взаимное отрицание, соревнуясь каждая за “свою правду”.

Вспомним ситуацию, когда Дуда поехал отмечать годовщину Волынской трагедии в одно место, а Порошенко в другое. То есть символическая демонстрация обоюдного несогласия. А у них есть пример, как когда-то Кучма с Квасневским встречались, их общие речи на годовщину Волынской трагедии. Сейчас же у каждого своя (пост)правда. Она становится конфликтогенным фактором.

Скажу еще об одном очень сложном моменте в нашей исторической политике, и в связи именно с постправдой. Это то, что я бы назвал внутренней исторической политикой. Сейчас, как считают, произошла декоммунизация, и я не знаю, радоваться наивности тех людей, которые говорят, что она завершилась, либо сочувствовать им. Они “решили проблему” в стиле постправды, убедили себя, что снесут памятники Ленину и переименуют 50 тысяч топографических объектов — и свершится декоммунизация. Святая простота или цинизм? Если посмотреть даже на опыт центрально- и восточноевропейских стран, декоммунизация — это гораздо больше, гораздо сложнее, гораздо шире, чем просто переименование. К сожалению, то, что мы назвали декоммунизацией, сопровождается продвижением и навязыванием обществу определенного, также тоталитарного типа нарратива, который вычеркивает из общественного пространства все иные формы, которые с ним не совпадают. И это уже сформировало целый ряд проблем, очень серьезных, и на будущих выборах вы увидите, как это выстрелит, как это работает именно в тех регионах, которым навязывают этот якобы новый, а на самом деле старый нарратив. То есть история, вынужден констатировать: история вновь превратилась в идеологический фронт (и, к сожалению, должен сказать, что где-то 95% историков над этим работают), и на этом фронте есть

свои бойцы, и это довольно далеко от того, что можно назвать профессиональным историкоописанием.

Тимофей Милованов

Продукт потребления vs информационный продукт

Я — экономист по специальности, поэтому мою точку зрения нужно понимать с позиции того, как думают о таких вещах экономисты. Экономисты думают моделями, а именно: какая у людей цель, каковы действия и информация, которую эти акторы через себя пропускают, чтобы достичь своей цели. Это просто такой профессиональный стиль думать о вопросе. И потому, если смотреть на вопрос ситуации постправды, то поставлю его так: а как бы экономист об этом думал? В принципе экономист — человек рациональный. Не в когнитивном смысле, а в том смысле, что человеческое поведение можно объяснить некой целью. Если человек смотрит телеканал “Россия”, либо он смотрит, например, на Фейсбуке какие-то эмоционально негативные или позитивные посты, а потом, например, происходит, как недавно, битва с ФИФА, когда все пошли на ФИФА-страницу писать протесты против запрета со стороны ФИФА коллективных выкриков “политического” характера, таких как “Слава Украине!”... И это пример, где эмоция очень важна. И потому экономисты будут смотреть на это как на вопрос потребления, а именно, что информация для человека превращается не в информацию для принятия рационального решения, для правды. Зачем нам нужна правда? Правда нужна, чтобы узнать, как правильно принять решение. Зачем мне нужно знать, какой политик лучше? А для того, чтобы мне голосовать за политика, который примет более правильные решения, и тогда и мне, и моей семье, и моему обществу будет, возможно, лучше жить. Это — если мне нужна правда. Это так, как мы, экономисты, думаем. А если правда не нужна, и мне достаточно эмоциональной нагрузки, и я, даже понимая, что это полуправда, постправда или просто фейк, все равно это читаю и реагирую на это эмоционально, то это нечто другое. Это уже интертейнмент, развлечения... Для меня это уже не информация о принятии решения. Это уже продукт потребления. И тогда встает вопрос, как с этим бороться, то есть что можно противопоставить продукту потребления, а не собственно информации.

Можно ли с продуктом потребления, который к себе “привлекает” человека, так что он становится эмоционально ангажированным, бороться таким образом, чтобы просто тихо и правильно говорить, что это неправда? Возможно, это не сработает. И здесь важно посмотреть на опыт успешных онлайн-образовательных курсов. У нас, в Киевской школе экономики, есть сегодня на мировом уровне онлайн-курсы от EdEra. Курс EdEra, созданный вместе со студией онлайн-образования, — это много хороших, очень качественных курсов-модулей. Они бесплатные, но почти никто их не заканчивает. В то же время есть курсы Гарварда, MIT и Оксфорда, которые стоят по 3 тысячи долларов за 30 минут видео или, может, за 50 минут, то есть очень мало времени и очень дорого стоят, и их многие люди слушают, многие люди оплачивают и заканчивают. Как такое может быть? — Вследствие перегрузки человека информацией. Ведь что-то интересное можно в Фейсбуке почитать, что угодно, в том числе множество лекций от лучших профес-

соров. Но люди этого не делают, а вместо этого платят большие деньги за то, чтобы меньше смотреть и меньше читать.

Как же поступают самые лучшие практики в образовании, такие как MIT, Гарвард и прочие? Как они в этих сегодняшних условиях привлекают в общем перегруженного студента через соцсети, чтобы он учился, чтобы завершил обучение и получил знания? Они ему действительно создают ту среду, в которой сегодня находится человек. Они подают информацию как продукт. Там есть и каналы, и телевидение, и форумы, там можно поспорить. То есть они стараются просто скопировать ту среду, в которой мы существуем. Здесь уже говорилось, что сегодня мы живем “внутри медиа”. Так вот, они пытаются взять человека и поместить внутрь медиа. Но эти медиа они делают контролируемыми, чтобы там не было фейков. То есть они делают вроде то же самое, только на эмоциональном уровне — так, что это становится очень интересным, что есть интрига, есть борьба. Но негатив они отрезают и отрезают некачественный материал. Поэтому за это люди платят большие деньги сегодня. Один пример касательно курса, за который я лично заплатил 3 тысячи долларов — за 6 недель. Знаете, сколько там было людей? 277 только в моей группе. Это была четвертая группа. То есть 4 миллиона долларов за 6 недель видео. Видео — 12 минут в неделю. Ведь оно там так построено, что это тебе вместо Фейсбука. Тебе Фейсбук становится неинтересен. А там есть и пост, и форум, там есть комментарии, там с тобой общаются на любые темы. То есть для вас стараются реплицировать ту же самую ситуацию постправды, и говорят: вы будете эмоционально находиться в том же состоянии эксаймента, энтузиазма и удовлетворения, но мы вам гарантируем — глупостей там не будет. И еще: мы вам гарантируем, что там не будет политики, потому что там такие-то преподаватели и т.п., но на уровне эмоций для вас это — тот же качественный продукт. Поэтому человек готов сегодня за это много платить.

Я не знаю, ответ ли это, но когда я думаю, как переформировать факт в VoxUkraine в какой-то новый путь его подачи для восприятия, я думаю о создании таких сред, где человеку было бы также эмоционально интересно, как ему может быть в Фейсбуке, чтобы там было что-то типа “бежим на ФИФА-страницу “бить” врага!”, но, как правило, там не должно быть той самой негативной пропаганды. Вот о чем мы стараемся думать в плане преодоления ситуации постправды. Это, разумеется, не совсем исследование. Это взгляд со стороны для создания *эмоциональной* ситуации, но в условиях *правды*.

Николай Княжицкий

О каналах и способах манипуляции общественным мнением

Ко мне вчера в Верховной Раде подошел один мужчина, как там обычно бывает, и говорит: “У меня есть идея, я ее изложил на бумаге. Мы должны установить памятник этому футболисту, который сказал “Слава Украине!”, установить перед Центральным стадионом. Вы должны обратиться к Президенту и к мэру Киева, чтобы поставить ему памятник как символ украинско-хорватской дружбы”. Я ему говорю: “Подожмите, ситуация быстро меняется. И вчера вечером этот футболист уже извинялся перед россиянами и говорил, как он любит Россию. Но памятник ему вы уже готовы были поставить”. И еще сегодня один из моих коллег из народных депутатов ходил по

залу в футболке с его фамилией на спине. То есть в какой-то момент ситуация изменилась кардинально. Это я к тому, что такое правда и постправда.

Очевидно, в прежней терминологии мы бы говорили о разнообразных способах манипуляции общественным мнением. Если упрощать терминологию, поскольку я не философ — я политик. Так что я буду ее, естественно, упрощать. Мы все помним советские времена и те вызовы, с которыми мы сталкивались. Тогда телевидение как воспринималось? Нас учили в университете на факультете журналистики, что телевидение, в первую очередь, — это система образов, система влияния через эмоции на мнения и на людей. Это была советская наука. Был некий В. Сапак, когда-то очень известный исследователь телевидения, которого все телевизионщики изучали, было много и других классиков тогдашнего советского телевидения. Об этом писали и говорили. И в принципе элемент постправды, когда мы говорим уже сегодня, — это именно убеждение людей через эмоции, через эмоциональное влияние, через систему образов.

Следовательно, мы ни с чем новым не сталкиваемся. Мы сталкиваемся с тем, что у нас растет количество так называемого транспорта; я имею в виду транспорт для передачи информации, информационного транспорта. Если раньше было ограниченное количество телевизионных частот, образующих главный транспорт, и у простого человека были и финансовые, и политические барьеры для того, чтобы этот транспорт использовать, то ныне, с приходом интернета, социальных сетей и прочих разнообразных механизмов таких барьеров нет. Но по большому счету все остальное изменилось очень мало. Потому что когда этот транспорт был ограничен и самой большой системой распространения информации было телевидение (которое и сейчас, хотя его роль стремительно падает, остается пока что лидером, по крайней мере в Украине), то власть, которая была у нас тоталитарной, имела контроль над этим телевидением. И создавая определенные системы образов, рисуя разные карикатуры (которые родились еще до телевидения, скажем, в «Окнах Роста» и т.п.) и оживляя их на телевидении, телевизионщики доносили эти образы до людей и таким образом влияли на их сознание.

А как это происходило в западных странах, особенно после Второй мировой войны? На телевидении — после Второй мировой войны, не сразу, а чуть позднее — задался вопросом, как обеспечить независимость этих систем, и создали то самое общественное вещание, о котором мы сейчас очень много говорим. Но создавали его и в Германии, и в других странах Запада, и основной этап его создания происходил после Второй мировой войны. Потом, в 1950–1960-е годы оно изменило свою функцию. Ибо появилось частное телевидение, и владельцы групп частных телевизионных каналов, монополий пытались влиять на общественное мнение ради своих политических целей. Очевидно, это было и прибыльным бизнесом, в отличие от современной Украины, но эти влияния были очень сильными. И как общество защищалось? Там начали усиливать то свое общественное вещание, которое они создали, налаживая систему независимой коммуникации еще до коммерческого телевидения. И главной функцией системного вещания в европейских странах было оставаться общественным и независимым противовесом тем манипуляциям или той постправде, которую пытались создавать в то время представители крупного бизнеса в Европе, да и в США.

Такая же цель была, кстати, и у нас при создании “Общественного ТВ”, общественного вещания. Здесь присутствует господин Макаров, который входит в правление “Общественного”. А я с господином Аласания, председателем правления “Общественного вещания” все время веду дискуссии, пытаюсь убедить, что общественное вещание должно ставить перед собой цель быть самым популярным каналом и конкурировать с так называемыми олигархическими или же частными медиа, на что у того иной взгляд. Он считает, что нужно занимать свою нишу и работать на тех людей, кому это интересно. Этот взгляд тоже имеет право на существование, но у нас здесь расхождения во взглядах. Ибо главная функция общественного вещания — как раз создавать определенные лекарства от манипуляции или возводить барьеры. Такая функция общественных медиа существовала еще 20 лет назад. Сейчас она, конечно, несколько меняется. И здесь я могу понять и позицию господина Аласания, ведь сейчас мы видим, что роль телевидения падает. Появились социальные сети. И в социальных сетях каждый человек фактически старается повлиять на общественное мнение, создать какой-то образ, имидж и т.п. Впрочем, телевидение, что касается формирования образов, все равно идет впереди. Телевидение, кино и любое визуальное искусство, в большей мере связанное с творчеством. Но дальше это поддерживается и распространяется, безусловно, социальными сетями.

Однако мы нередко преувеличиваем их влияние. Мне попалось интересное исследование, в котором говорилось о том, что мы, если помните, называли прежде Твиттер-революцией. Речь шла о событиях в Тунисе. И потом оказалось, что это была никакая не Твиттер-революция, поскольку основными посетителями Твиттера и Фейсбука, которые создавали образ тогдашних событий в Тунисе, были иностранцы, а не участники событий. Был огромный всплеск влияния информации на восприятие этих событий, но это был всплеск среди иностранцев, и реальное влияние на события, скорее всего, было преувеличено, опять же теми, кто хотел создать образ могущества Твиттера и Фейсбука. Либо в этой реальности постправды еще как-то манипулировали. Это — двойная постправда.

Что происходит сейчас? Сейчас по сравнению с советскими временами почти ничего не изменилось. Ведь благодаря деньгам осуществляется манипулирование со стороны крупных партийных или политических групп. Например, и через систему образов волынской трагедии. И происходит подобное, как вы знаете, не только в Украине, но и в странах Восточной или Западной Европы. В частности в отношении Польши. Последний пример — выступление люблянского воеводы, который говорил о жертвах волынской трагедии, хотя еще не было эффективных, достоверных исследований. Они сейчас только начались. Я знаю о проекте Украинского католического университета по исследованию фактических жертв тех трагедий, сборе данных, насколько это возможно, о тех, кто тогда погиб. Вместо этого мы видим, что в польских заявлениях количество погибших поляков постоянно растет, а количество украинцев все время уменьшается. Еще три года назад говорили о 30 тысячах поляков и 10 тысячах украинцев, потом о 100 тысячах поляков и 20 тысячах украинцев, а в последних его заявлениях было уже 130 тысяч поляков и 6 тысяч украинцев. То же самое сейчас звучит со стороны руководителей польского государства. Это цитируется польскими медиа, это распространяется, и мы видим, что политики настолько привыкли к манипулированию, что если раньше это считалось постыдным, то сейчас этот стыд уходит.

Заканчивая, хочу подчеркнуть, что раньше существовали крупные финансовые группы, которые контролировали сначала малый транспорт государственный и каналы телевидения, сейчас же они так же контролируют социальные сети, авторов этих социальных сетей и манипулируют общественным мнением, создавая тот самый фон постправды не только у нас и не только в России, но и в западных странах.

Анатолий Ермоленко

Как возможна истина в “ситуации постправды”?

Проблематика “постправды” имеет научный, идеологический и морально-этический аспекты и коннотации. Ведь в последнее время все чаще мы слышим об эпохе постправды, о том, что все имеет одинаковый смысл и не стоит вообще думать о том, существует ли истина, существуют ли общезначимые моральные долженствования и добродетели. Когда размывается значение этих понятий, равно как и различие между понятиями добро/зло, хорошо/плохо и т.п., достаточно легко любую информацию исказить, что и предстает в виде фейка, который по определению означает искажение, фальсификацию. И сегодняшний человек сталкивается с массой фейковой информации, усиленной цифровыми технологиями. Особенно это заметно сегодня во время так называемой гибридной войны. Поэтому нужно найти инструменты противодействия таким явлениям, а также предохранители и средства их предупреждения. Следует заметить, что словосочетания с префиксом “пост” в последние десятилетия весьма распространены в социальных и гуманитарных науках: “постмодерн”, “посткапитализм”, “постэкологизм”, “постдемократия” и т.п. Префикс “пост” свидетельствует о возникновении некоего нового общественного явления или состояния, которое по сравнению с предыдущим состоянием является весьма неопределенным, недостаточно идентифицированным, однако имеет к нему определенное отношение. Это касается и “постправды”, которую вряд ли можно назвать исторической эпохой, скорее речь здесь идет о “ситуации постправды”.

Замечу, что понятия “правда”/“неправда” близки к таким понятиям, как “истина”/“ложь”. Воспользовавшись функционально-системной теорией Н.Лумана, напомним, что наука как раз и обозначается такими бинарными кодами, как истина/ложь, тогда как другие социальные системы обозначаются соответственно: например, экономика — прибыль/убытки; политика — власть/безвластие; этика — добро/зло и т.п. Отказ от таких понятий, как истина/ложь, фактически лишает науку основных функциональных кодов, так же как и отрицание таких понятий, как добро/зло, размывает сферу нравственности. Всегда притяжение истины, притязание значимости (*Geltungsanspruch*) было прерогативой науки и философии. А развенчивание лжи — от “пещер Платона”, “критики идолов” Френсиса Бекона, “идеализации Гегеля”, “превращенных форм” Карла Маркса до “искаженных коммуникаций” Юргена Хабермаса — было важной задачей философии. В последнее время именно эти притязания подрываются, вспомним “симулякры и симуляции” Жана Бодрийяра, “симулятивную демократию” Ингальфура Блюдорна и др. Сюда относится и концепт “постправды”.

Следует заметить, что во многих языках нет различия между словами “истина” и “правда”. Когда французский философ Филипп Рено выступал с

лекцией о постправде в Институте философии НАН Украины, зачастую трудно было понять, где речь идет об истине, а где о правде, ведь во французском языке это синонимы. Так же и польский философ Гандзель Михал-Тадеуш на Сквородинских чтениях в Институте философии отметил, что такого различия нет и в польском языке. В немецком языке есть понятие “истина” (Wahrheit), однако нет слова “правда” в нашем его понимании, а есть понятие “правдивость” (Wahrhaftigkeit). Однако понятия “правдивость”/“неправдивость” имеют субъективное содержание. Они могут и не претендовать на истину. Скажем, когда говорящий, утверждая нечто, считает свое утверждение истинным, это одна ситуация. И совсем другая, когда он, зная, что его утверждение ошибочно, сознательно настаивает на том, что оно истинное. Это называется неправдивостью, неискренностью, враньем. Тем не менее, когда человек лжет, признавая истину, это иная ситуация, чем когда он вообще истину не признает. Одно дело — нарушать правила, признавая в принципе их действие, другое — не признавать их вообще.

В чем, по моему мнению, опасность постправды? Во-первых, она состоит в том, что ставит под сомнение существования истины как таковой, то есть как регулятивного принципа, а значит, науки как таковой. Этим грешат, в частности, постмодернисты, утверждая, что истины не существует. Во-вторых, размывается валидность понятий истина/ложь, правда/неправда и т.п., вроде утверждения: “у тебя своя правда, а у меня — своя”. Нередко в этом случае цитируют известные строки из послания Тараса Шевченко “І мертвим і живим і ненародженим...”, вырывая их из контекста и превращая великого Кобзаря в некоего контекстуалиста, релятивиста и nepoтистa. Однако утверждением “у своїй хаті своя правда, і сила, і воля” Шевченко отнюдь не отрицал, говоря сегодняшним языком, универсалистских ценностей, введенных христианством.

Отрицание истины — это перформативное противоречие утверждения самому себе. Фраза “я утверждаю, что истины не существует” и является таким перформативным противоречием, когда форма утверждения, в котором что-то утверждается, и ее содержание (отрицание этого утверждения) противоречат друг другу. Такими противоречиями могут быть и другие утверждения: “я утверждаю как истину, что я не претендую на истину”; “я утверждаю, стремясь к взаимопониманию, что я не претендую на взаимопонимание” и т.п.¹ Разработка *процедуры выявления перформативного противоречия* позволяет перевести проблему предельного обоснования истины знания и верности этических норм из теоретической в практическую плоскость на основе трансцендентально-прагматического принципа избегания перформативного противоречия утверждения самому себе.

Этот принцип делает возможным перевод решения проблемы очевидности и достоверности знания из плоскости монологической рефлексии в плоскость коммуникативно-дискурсивной рефлексии. “Принцип перформативного противоречия самому себе, — как отмечает Карл-Отто Апель, — предстает таким образом органом и критерием информативного само-

¹ Apel, K.-O. (1987). *Fallibilismus, Konsenstheorie der Wahrheit und Letztbegründung. Forum für Philosophie Bad Homburg* (Hrsg. von Kuhlmann W.) (S. 76). Philosophie und Begründung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

прояснения разума, отсюда он является существенным критерием рефлексивной относительно себя дискурсивной рациональности”¹.

Нужно также отметить, что такие явления, как “ситуация постправды”, “ситуация гибридности”, возникают в соответствующих коммуникативных практиках, когда коммуникация, направленная на согласие, подменяется коммуникацией, направленной на достижение определенного результата, тогда коммуникация образуется по образу и подобию целерационального действия и предстает как стратегическое действие. Такое превращение приводит к искривленной коммуникации, искажаемой определенными принуждениями как внутреннего, так и внешнего характера. Неправдивость и является такой формой искаженной коммуникации, когда стремятся достичь определенной цели путем обмана или явного вранья. Однако гораздо более опасной является ситуация постправды, когда какое-либо утверждение вроде бы не претендует на правду, но утверждает нечто, предстывая в виде скрытого перлокутива.

В структуре наших высказываний, к которым относятся локутивы, иллюкутивы и перлокутивы, такую стратегическую функцию как раз и выполняют скрытые перлокутивы. Со скрытыми перлокутивами мы имеем дело ежедневно: они в идеологиях, пропагандистских акциях, в социально-психологических и социально-политических технологиях и практиках. В сфере повседневности мы постоянно сталкиваемся с ними, скажем, в рекламных практиках. Например, рекламируя какое-нибудь стиральное средство, рекламный агент нас убеждает, что это средство лучше обычного, при этом упаковка “обычного”, на которую он указывает, напоминает упаковку средства ближайшего конкурента. С помощью такой рекламы потребитель попадает в ловушку, когда его явно не обманывают, но опосредованно вводят в заблуждение, скрыто вербуй купить тот или иной товар. Вербовка посредством скрытых перлокутивов переносится и на политику. Недавно столкнулся с предвыборным антирекламным роликом телевизионного канала News One, в котором речь идет о политике, имя которого не называется, однако вся “картинка” очень напоминает известного государственного деятеля.

Недаром в свое время министр пропаганды нацистской Германии Йозеф Геббельс высоко оценивал американскую рекламу, полагая, что следует многое взять от нее для пропаганды идеологии национал-социализма. Ведь пропаганда по определению является формой коммуникации, направленной на распространение в обществе — мировоззрения, теории, утверждения, фактов, аргументов, слухов и других сведений *для влияния* на общественное мнение в пользу определенной социальной группы. Ключевое слово здесь “влияние”, причем не важно, является эта информация истинной или нет. Таким вопросом-ловушкой была фраза Гитлера: “Так право для народа или народ для права?” С первого взгляда ответ на этот вопрос кажется очевидным: конечно, право для народа. Но это только на первый взгляд. Если право будет иметь только эмпирическое, фактическое измерение, то есть подчиняться эмпирической данности, пусть это будет даже целый народ, от него ничего не останется. Ведь право имеет не сугубо эмпирические, но и трансцендентальные измерения.

¹ Ibid., S.96.

С такими скрытыми перлюкутивами мы сталкиваемся в разных пропагандистских мероприятиях сегодня и в нашем обществе. Недавно одна из участниц предвыборной гонки в своем заявлении обвинила президента в том, что тот не хочет прекращения войны, чтобы ввести военное положение и не проводить президентские выборы. Насколько это правда, пусть разбираются конспирологи. Ведь нам, рядовым гражданам, эту информацию довольно сложно проверить. Но главная фишка, полагаю, заключается не в этом, а в выводе из заявления, а именно: что этим предупреждается ситуация срыва выборов, то есть если выборы состоятся, то автор заявления в любом случае останется в выигрыше, потому что он якобы своим заявлением предотвратил срыв выборов.

Но ситуация с постправдой имеет еще и морально-этическое измерение. Ведь отрицание правды/истины приводит к тому, что мы эти понятия не можем применять к оправданию/неоправданию общезначимых моральных принципов, что ведет к контекстуализму, а в итоге — к моральному релятивизму и нигилизму. В этом случае ситуация постправды сочетается с ситуацией гибридности, когда соединяется несоединимое: коммунизм и православие, православие и фашизм и т.п. Особенно опасно сегодня использование исторической науки и историографии для легитимации политических решений, таких как апелляция к псевдоисторическим фактам: “Крым — исконно русская земля”. Такой ловушкой в легитимации может быть обращение к традиции, ведь на каждую традицию можно найти еще более давнюю традицию. Примером здесь может послужить утверждение одной депутатки, которая заявила: “я сторонница традиционных ценностей”, что, собственно, и является такой ловушкой, поскольку при этом не уточняется, какие именно традиции имеются в виду, ведь было время, когда женщины вообще не имели избирательных прав, значит, вряд ли можно было стать депутаткой. Однако главное заключается в том, что традиция не может быть проверена на истинность, ведь традиция имеет силу, пока она действует.

Однажды Путин, обсуждая вопрос начала Второй мировой войны, в частности пакта Молотова/Риббентропа, сказал, что тогда все так делали, напомнив, что после Мюнхенского сговора и Польша отхватила у Чехословакии кусок территории. При этом нередко звучит фраза, что история не имеет сослагательного наклонения (по-немецки — *konjunktiv*), с чем я категорически не согласен. Я уже об этом говорил и писал, ведь история не имеет сослагательного наклонения в телеологическом измерении (действительно, нельзя повернуть события в обратном направлении), но история имеет сослагательное наклонение в ценностно-рациональном измерении, когда мы переоцениваем те или иные события, делая соответствующие выводы, чтобы трагические события не повторились.

Полагаю, задача философской науки как раз и заключается в том, чтобы противодействовать такой постправде и соответствующим практикам, прояснять содержание фейковой информации, давая соответствующие оценки тем или иным явлениям и событиям, вырабатывая критическое отношение к интервенциям соответствующих технологий. Это в определенной степени “новое просветительство”, задача распространения которого выдвигается в последнее время такими философами, как Карл-Отто Апель, Юрген Хабермас, Клаус Михаэль Майер Абих, Ульрих Бек и др. Идея “нового просветительства” стала лейтмотивом юбилейного доклада Римского клуба. В этом

плане такую роль и должен играть общественный дискурс, опираясь на соответствующие процедуры аргументативного дискурса.

Эти процедуры опираются на следующие принципы-притязания дискурса:

а) понятность; б) правдивость; в) истинность; г) правильность¹, что и делает возможной процедуру выявления перформативного противоречия утверждения самому себе, что, в свою очередь, проявляется в следующих требованиях:

- аргументативный дискурс требует, во-первых, тщательного поиска фактов, данных, которые образуют эмпирический базис мнения, утверждения, а следовательно, поиска истины. Таким образом, его *первая* установка такова: ищи более весомый аргумент!
- *второе* требование дискурса содержится уже в первом, уточняя его: воздерживайся от своих эмоций, от умозаключений, сделанных на скорую руку, от принудительного воздействия цифровых технологий и некритических собственных или партийных утверждений в интернете;
- из этого вытекает *третье*, социальное, *требование* дискурса: всегда уважай человеческое достоинство всех тех, о ком ты говоришь или пишешь, будь то властьюмущие или беженцы².

Эти требования являются также морально-практическими. Поэтому важное значение приобретает практическая философия как этика дискурса. Выявление латентных перлокутивов, направленных на искажение смыслов социального действия, развенчание политических технологий манипуляции общественным мнением и коммуникациями, раскрытие механизмов введения в заблуждение и т.п. — все это должно осуществляться на основе аргументативного дискурса. Противодействие таким практикам, обоснование средствами дискурса норм и ценностей современного общественного развития и соответствующая легитимация социальных институций — вот первоочередная задача современной практической философии как философии дискурса. Практическая философия сегодня должна быть также средством формирования соответствующих компетентностей современного человека — компетентностей, связанных с тем, чтобы учиться дискурсу, уметь критически мыслить и аргументировать. Такой процесс обучения требует общественного и политического мужества. Иметь мужество к разуму сегодня означает иметь мужество к правде и истине, что проявляется в мужестве к аргументативному дискурсу как составляющей “нового просветительства”.

Юрий Макаров

“Безличного высказывания не существует”

Я понимаю, эти стены требуют определенного уровня рефлексии, который, возможно, для меня не до конца достигим, но у меня в этом смысле такая философская позиция — не философская, а хулиганская. Хулиганская,

¹ Бюлер, Д. (2014). *Відповідальність за майбутнє з глобальної перспективи*. Переклад з німецької, післямова, примітки Анатолія Єрмоленка (с. 62). Київ: Стилос.

² Бюлер, Д. (2017). Розмисли щодо нашого осереддя в умовах зовнішніх і внутрішніх загроз. Переклад з нім. А.Єрмоленка. *Філософська думка*, 2, 54.

в том смысле, что мне кажется, что сам по себе термин “постправда” — это некая мулечка, в значительной мере фейк. То есть это больше касается не процессов, а их отражения, их рефлексии и обесценивания самих информационных процессов. Различия, безусловно, существуют между тем, что происходит сейчас, и тем, что происходило даже 25 лет назад, но они все же касаются преимущественно, как было справедливо отмечено, транспорта информации и количества информации. Количество изменяется экспоненциально, тут ничего не скажешь. Но это не означает, что сами принципы ее функционирования в значительной мере изменились по сравнению с доинформационной эпохой, когда информация либо переходила в очень узких общинах, по принципу свой/чужой, либо был еще такой инструмент информации, как своего рода базар, который как раз и выполнял функцию якобы дистанцированного от узкой среды органа снабжения информацией. Нужно напомнить, на всякий случай, что даже накануне современной эпохи, накануне появления средств массовой информации как таковых, то есть где-то между 1440-м — годом создания печатного станка — и 1517 годом, когда Лютер прибил на дверях церкви, обнародовав их там, свои тезисы, в Европе функционировало до полумиллиона экземпляров памфлетов. Конечно, тогда фактически вся идеология и в значительной мере политика совершались в религиозном ключе, но, несмотря на это, ничего такого уж нового в наше время, по сути, не происходит, кроме одной серьезной истории. Эта история — осознание субъективности и субъектности информации. Когда мы рассматриваем каждое отдельное сообщение, мы очень часто абстрагируемся от того обстоятельства, что вне контекста — и синхронного, и диахронного — отдельное изолированное сообщение не является релевантным, только если его вставить в контекст и только если оно имеет определенную ссылку на источник происхождения.

В этом смысле я позволю себе вспомнить такую не очень, кажется, популярную у нас фигуру, как венгр Майкл Полани.

Евгений Быстрицкий: Автор известной книги “Tacit Knowledge” — “Скрытое знание”.

Юрий Макаров: Точно. Он подчеркивает, что само по себе послание, которое кажется безличным, в самом себе содержит определенное утверждение, дополнительное — “я автор этого послания утверждаю, что это правда”. Безличного высказывания не бывает, оно может быть имплицитным, но это само по себе. В этом смысле, скажем, падение доверия не является ни хорошим, ни плохим. Речь о том, в каком сценарии это доверие возрастает или падает — в архаическом или современном? Если это архаический тип восприятия свой/чужой, и свой — это хорошо, а есть еще какой-то “базар”, который мы не контролируем, который мы, извиняюсь за вульгаризм, “не фильтруем”, то это один тип. Но если я прагматично или на основании некоего консенсуса в своей социальной группе признаю определенные источники авторитетом, тогда я приближаюсь к более современному восприятию информации. В этом смысле для меня примером служит “New York Times”.

Я позволю себе здесь сослаться на моего приятеля. Есть такой очень неплохой русскоязычный писатель, американский русскоязычный писатель Александр Генис. Его больше помнят в паре — как “Вайля и Гениса”, но Вайль уже умер, а Генис пишет. Он в своем эссе, посвященном любимой га-

зете “The New York Times”, пишет: “Проиграв интернету, поумневшая газета теперь не столько делится информацией, сколько защищает от нее читателя, отбирая и раскрывая наиболее важное”. То есть, внимание! Лозунг “The New York Times” не меняется, начиная примерно с 1880 года: “All the News That’s Fit to Print” (Все новости, которые заслуживают того, чтобы быть напечатанными). Только если 100 лет назад они делали акцент на “All the News” (все новости), то ныне, по сути, речь идет лишь о тех новостях, которые того заслуживают, которые мы, “The New York Times”, считаем таковыми (это определенный коллективный авторитет, завоеванный десятилетиями). А без остальных вы можете спокойно обойтись. И это очень современная и в то же время очень далекая от постмодерна постановка вопроса.

То есть речь идет о создании определенных брендов. То, о чем здесь говорил Николай Княжицкий, это некий “сервский метр”. Помните? Никто сейчас не пользуется тем эталонным метром, который сберегается в Севре под Парижем, но само понимание того, что мы сопоставляем с этим авторитетом, с метром, оно, в принципе, делает возможной инженерную коммуникацию по всему миру там, где функционирует метр, а не футы или дюймы.

И последнее. Возможно, это дело принципов, то, каким образом мы должны противостоять информационной диверсии. Мои друзья, работающие в Maidan.org.ua, постоянно исследуют определенные информационные диверсии. Они заметили, что каким-то чудом для Москвы сообщение о возможном томосе автокефалии для украинской православной церкви было сюрпризом. Москва два дня молчала. И в этот момент выяснилось, что в эти дни функционирование данного месседжа, его обсуждение оказались удивительно конструктивными, спокойными, слишком спокойными, неконфликтными. Как только они в Москве опомнились, это в значительной мере и вызвало, извиняюсь за неконвенциональное слово, срач... Это, собственно, означает, что мы сами не отдаем себе отчет в том, насколько наше информационное пространство засорено подобными вещами. И это означает, что мы должны ответить на вопрос, что мы можем этому противопоставить. Продолжать стрелять по каждой цели или все же создавать систему тех авторитетных брендов, которые по современному типу позволяют выстраивать доверие в обществе?

Олег Белый

Режимы истины

Мне кажется, нам нужно выбрать один из двух режимов истины/правды. Это либо режим истины понимания или вопрос постправды. Поскольку сегодня Наталья Костенко очень вовремя напомнила мне эту давнюю идею Фуко, которую он высказал в одном из поздних своих интервью под названием “Истина и правда”. Это большое интервью, и единственное, что еще не прозвучало здесь — это одна важная коннотация в том интервью, на которую следует сослаться. А именно: что режим истины непосредственно связан с эффектами зла. Истина предстает собственно как продуцирование директивных процедур, которые вырабатывают фактически нарративы власти. И это нужно иметь в виду.

В этом смысле я могу сказать, что испокон веков самым большим продуцентом фейковых, или искаженных новостей было государство. И это понятно, поскольку это связано с несколькими такими коллизиями, дилемма-

ми. Одна — дилемма безопасности. Как выжить в конкурентной среде? Этот вопрос стоит перед каждым государством. И в то же время (я сейчас говорю о демократическом обществе, правовом государстве) существует ценностная норма насчет того, что нужно передавать именно достоверную информацию, информировать граждан. Но, с другой стороны, существует норма, по которой государство должно защищать свою безопасность. Поэтому в данном измерении дискурс всех государственных органов — это продуцирование фейковых новостей. Обычно “фейковых” в кавычках.

Ни одно государство и институты, которые его олицетворяют, собственно говоря, инструменты осуществления режима истины не позволят себе, например, предложить обществу неправдивую информацию об изменении курса валют. Потому что это может привести к катастрофическим последствиям и вообще дестабилизировать жизнь в государстве. И наконец, существует потребность или необходимость защищать корпоративный интерес властной группы, которая в этом государстве господствует, доминирует в определенный период. Это касается, возможно, также всех типов государства, всех типов властей. Но следует сказать об этом противоречии между корпоративным интересом, корпоративной потребностью и общенациональными интересами.

В тоталитарном обществе существовал иной режим истины. Продуцирование истины не ограничивалось лишь директивными процедурами, оно всегда дополнялось силовым компонентом. Я имею в виду тоталитарные и авторитарные режимы. То есть это некий симбиоз между дискурсивным насилием, промыванием мозгов и фактическим физическим насилием, что дополняет и делает легитимным или обеспечивает легитимность этому дискурсивному насилию. Именно так действовало КГБ в СССР, так же работает и ФСБ в современной России.

Я хотел бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Здесь прозвучала мысль о том, что сегодня очень низкое доверие к медиа. Нужно иметь в виду, что социология, и особенно современная электронная социология, сама является продуцентом этих стратегий, или режимов истины. И она занимается фактически тем, что я бы назвал стратегическим бриколажем, сознательным объединением разнородных месседжей. Это мы видим, когда в медиа вбрасываются фамилии Вакарчука, Зеленского как возможных кандидатов в президенты, что объединяет их имена с фамилиями политиков, которые, вероятно, являются реальными кандидатами. Вследствие этого сфера общественного мнения теряет важные ориентиры. Бурдьё, известный французский социолог, говорил по этому поводу, что общественного мнения не существует. Почему? Потому что повестка дня — это утверждение нарративов власти. И повестка дня, она определенным образом согласована с интересами то ли корпоративных групп, то ли ведущих политических акторов в стране. Поэтому я бы не пользовался одними лишь данными социологических исследований. Скажем, доверие к социологии может быть таким же, как и ко многим сообщениям современных средств массовой информации.

Тем более нужно учитывать еще одно важное обстоятельство. Доверие касается прежде всего мифа, мифологии, ведь миф упрощает, убаюкивает, дает уют, а истина тревожит, она вызывает чувство страха у человека, из-за чего человека невольно привлекают эмоционально отвлекающие или успокоительные фейковые новости. Особенно в современной ситуации, когда мно-

гие не воспринимают действий нынешней украинской власти. По крайней мере существует такое критическое настроение у людей, ведь несмотря на все революционные ожидания или, как это в социологии называется, революцию ожиданий, в последние годы произошло снижение уровня жизни. И поэтому большее доверие вызывают критические сообщения в адрес власти, в частности фейковые. И в этом смысле в корзине собирается весь информационный мусорник-бриколяж, с огромным количеством критических изобличений, но фейковых изобличений. Вот в чем я также вижу проблему.

Я хотел бы обратить внимание на еще одну важную вещь в контексте нашей нынешней дискуссии. Сегодня выступал экономист Тимофей Милованов и говорил о рациональности современной экономики. Экономика тоже в значительной мере подвержена режимам истины, о которых я говорил. Я имею в виду экономисту в том, по крайней мере, смысле, что она функционирует как публичное явление и как стратегия правления, а не как математическая дисциплина. Существовала советская статистика. И был известный американский автор, который написал о методах советской статистики как о методах диффамации. Мы постоянно соприкасаемся с разными и изменчивыми режимами истины. Сейчас происходит изменение такого режима. Государство почувствовало, что у него есть сильный конкурент в виде корпоративных групп и частных медиа, и это вызывает определенное недовольство, ведь существует достаточно мощная конкуренция. Как выйти из этой ситуации? У меня прямого ответа нет, но я точно знаю, что по крайней мере так называемый асимметричный ответ, о котором говорил господин Касьянов, мне представляется ошибочным, поскольку любые асимметричные ответы касаются лишь части проблемы и части инструментария борьбы за достоверность информации. Так же, как войска специального назначения, — это часть ведения войны, всего лишь военный инструментарий. Об этом как раз американские стратеги и говорили. У нас прежде всего есть константы, вне которых, мне кажется, и режима истины не существует. Ныне это вопрос человеческой безопасности, вопрос защиты суверенитета и так называемая контрпропаганда, а также война нарративов. Это, в частности, и война памятников, она вообще неизживна. Потому что мы никак не можем видеть историю иначе — только как историю победителей.

Евгений Быстрицкий: Огромное спасибо. Круг выступлений завершен. Есть время для реплик, комментариев, ответов на них, а также для уточнения и обобщений высказанного и услышанного.

Георгий Касьянов: Я хотел бы прокомментировать упоминание асимметричного ответа. Это может нравиться или не нравиться, но все наши ответы, все, если речь идет, например, об ответе России, они все уже асимметричны, хотя бы потому, что наши ресурсы гораздо более ограничены, чем у России, в том числе в информационной войне, или как там ее называют. Когда говорят об асимметричном ответе, речь идет совсем не о том, чтобы не отвечать. Я могу привести пример из спорта. Есть такая разновидность борьбы, называется айкидо, когда вы используете энергию противника для того, чтобы его победить. В данном случае, когда речь идет об асимметричном ответе, я имею в виду именно это. Отвечать на одно вранье другим враньем — это не асимметричный ответ. То есть это симметрично, но в плохом смысле. И отвечать на контрпропаганду такой же контрпропагандой

тоже неэффективно. Это показал, например, опыт Второй мировой войны. Поэтому когда говорят об асимметричном ответе, речь идет о том, чтобы находить иные способы деконструкции, отрицания или ликвидации тех смыслов, дискурсов, которые нам навязываются извне в информационной войне. Я поднимаю вопрос и не могу дать рецепт... Я не могу дать конкретных советов. Это должны сделать специалисты, но могу сказать, что отвечать государству, имеющему гораздо большие ресурсы, меньшими ресурсами, так же, теми же методами — это заведомо проигрышный вариант.

Наталья Костенко: На самом деле это ситуация постправды, как мы ее называем. Вполне понятно, что сегодняшний рынок социологических исследований, и не только у нас в Украине, достаточно широк. И, конечно, было бы неплохо, если бы те, кто пользуется этими данными, ориентировались на хорошие, как тут говорили — авторитетные, бренды. То есть на те исследовательские бренды, которые применяют проверенные методики, проверенные технологии и предоставляют верифицированные эмпирические данные. Этого хотелось бы нам всем пожелать. И еще: говорилось о том, что мало что изменилось, за исключением транспорта информации. Это действительно так. Но вот это изменение транспорта, оно ведь очень существенно. Оно изменяет тот самый режим истины или вносит в него нечто весьма значимое. И конечно, это связано прежде всего с интернетом. Более того, у нас эта история длится всего лишь несколько последних лет, когда интернет стал доступен со смартфона. Безусловно, ситуация в целом изменилась довольно существенно по количеству пользователей. И вот этому новому режиму истины, в который мы попадаем, трудно противостоять и противиться. Он основывается как на молниеносном оповещении о фактах и интересах новых групп, так и на практиках оперирования инструментами инфекции, мутации, колонизации, генерируя тем самым контролируемое общество “программируемых” и “программирующих”. И это на самом деле очень существенно, что мы сейчас наблюдаем по всем этим кибератакам, вмешательству в выборах и прочее. Это же не просто вредительство, это новый режим, который мы не можем не принять и в котором мы должны жить.

Виктор Степаненко: В таком повороте наших обсуждений я хотел бы обратиться к некоторым моментам своего выступления, а также к тем позициям касательно дисбаланса правды и постправды, которые уже звучали в выступлениях моих коллег — Георгия Касьянова, Олега Белого, Юрия Макарова. Здесь важна проблема свободы слова во время информационной войны. На мой взгляд, сама позиция свободы слова является более уязвимой в условиях постправды. Точнее: позиция того, кто заботится о свободе слова, заведомо более уязвима перед тем, кто не заботится об этой свободе. Я не специалист, это вопрос для медийщиков: каким образом баланс между безопасностью, патриотизмом и национальным интересом, с одной стороны, и свободой слова — с другой, может быть соблюден во время войны?

К сожалению, эта тема пока недостаточно актуализирована. И здесь перед нами действительно уже упоминавшаяся мной в выступлении проблемная ситуация эпистемологической несправедливости. Разные моменты эпистемологической несправедливости можно также экстраполировать на нашу позицию в войне. И эксперты, и медийщики, полагаю, должны учитывать этот коэффициент эпистемологической несправедливости. Скажем, ког-

да мы говорим об Украине, обращаясь вовне, нужно, например, объективно объяснять определенные имеющиеся у нас деформации в проявлениях национализма и радикализма. Объективность же заключается в том, чтобы разяснять контекст, чтобы показать, как украинский национализм был связан с историей освободительных движений и борьбы за независимость Украины. Собственно, борьба за независимость не была бы возможной без поддержки национализма — то же самое мы видели и на Майдане в 2014 году. То есть объяснение, почему и откуда взялся “плохой” национализм, всегда требует, особенно для зарубежной аудитории, такого введения в контекст в отношении Украины, истории национализма и того, как он продвигал независимость. Я хочу сказать, что объективность в отношении фактов всегда предполагает также знание и анализ причин и истории вопроса. Поэтому не только эксперты, но и медиа-комментаторы должны не констатировать, а анализировать факты, объяснять, почему то или иное происходит. Это подход, который Вебер называл “понимающим”.

Опять же, возвращаясь к недавней истории Майдана. Никто не станет отрицать активность и жертвенность националистов в этих процессах. А что теперь делать с определенными радикальными деформациями национализма? Ведь в какой-то мере это, так сказать, побочный эффект того, что освободительная энергия Майдана приняла в себя и во многом подпитывалась силой этого движения. Теперь и правда возникает потребность в нейтрализации побочных эффектов национализма, его экстремистских и ксенофобских проявлений. И здесь именно гражданское общество, его интеллектуалы должны стать той референтной группой, которая сможет консолидировать здоровые сегменты гражданского общества и дистанцироваться от нездоровых, экстремистских, ксенофобских и т.п. Но это самоочищение должно продолжаться внутри самого гражданского общества, которое тоже требует постоянных трансформаций и развития. Это также тема дисбаланса, особенно в информационной войне, что требует понимания и объяснений, учета реальной ситуации. Ведь многое касательно Украины воспринимаются, особенно внешней аудиторией, поверхностно, без понимания контента и контекста.

Анатолій Ермоленко: Я хотел бы сказать, что мы должны осознавать, что здесь существует объективное противоречие. Я имею в виду: правду и постправду, как, пожалуй, модерн и постмодерн. С одной стороны, мы строим гражданское общество, демократические институты, требующие суверенной личности, которая, по Канту, должна обладать мужеством жить своим собственным разумом. Это одно. А с другой стороны, сложность современного общества выстраивает иные стратегии. Почему? Потому что отдельный человек как раз и не может разобраться во всех этих информационных потоках. В книге Шельски “Работу выполняют другие” речь идет о том, что возникает новый класс мыслепродуцентов, который и должен задавать, экстраполировать готовые смыслы тем, кто не может сам этого делать. Вот вам противоречие. Как мы можем выходить из этого противоречия? Это реальное противоречие, которое и заключается в том, что в сложном обществе очень трудно разобраться во всех этих потоках смыслов.

Олег Белый: Что касается истины в связи с наукой. Во-первых, относительно выступления коллеги Анатолия Ермоленко: у Хабермаса, которого уже упоминали в обсуждении, есть книга, которая называется “Наука как

идеология”. То есть он тоже использует опосредованно понятие режима истины. Мне кажется, самой лучшей иллюстрацией соотношения режима истины и фейков власти мог бы стать один исторический анекдот. К Сталину заходит Семен Михайлович Буденный, и Сталин его обвиняет: дескать, ты не любишь меня. Тот со страхом и трепетом: Как же? Сталин отвечает, мол, если бы любил, то подарил бы мне свою фотографию. Буденный немедленно заказал фотографию, ее принесли, и подпись была такой: “Основателю первой конной армии, Иосифу Виссарионовичу Сталину”. Тут Сталин послал Поскребышева за своей фотографией и подарил Буденному с подписью: “Подлинному создателю первой конной армии”. Это анекдотический, но точный пример того, как соотносится режим истины с действительностью, и не только в тоталитарном обществе, как мне кажется. Это и в демократических обществах работает.

Анатолий Ермоленко: Да, есть у Хабермаса книга “Наука и техника как идеология”, но это не означает, что наука только эту функцию и выполняет. Наука и философия — они как раз и имеют такое притязание истины. Я, в сущности, не понял тезиса о том, что ФСБ и другие спецслужбы производят истину.

Олег Белый: Я не говорил о том, что спецслужбы и власть производят истину. Они принимают участие в поддержке дискурсивного насилия. Они поддерживают дискурсивное насилие, осуществляемое аппаратом пропаганды.

Евгений Быстрицкий: Вместе со всеми участниками Круглого стола я считаю, что тема, затронутая сегодня в нашем обсуждении, чрезвычайно важна. Она важна и для научных исследований, и для практической социологии в контексте выяснения восприятия информации в ситуации постправды и ведения эффективной политики внутри страны и вовне. Но не только для теоретических и практических целей. Прояснение сути вопроса о, как здесь уместно упоминали, режимах истины в наше время нужно нам самим, людям, чтобы ориентироваться именно на истину как на то, что задает смысл бытия. В этом отношении человек попал в абсолютно новую ситуацию, новую эпоху состояния человека. Ее новизна граничит с новой опасностью — порождением лжи с утверждением своей истины каждым отдельным сообществом. Об этом сегодня уже упоминали, когда говорили о якобы неизбежной поддержке дискурсивного насилия со стороны властей. В этом смысле речь идет о самых глубоких источниках того, что схватывает понятие “эпоха постправды”. Я имею в виду очевидное столкновение “правд” разных сообществ, которые переживаются ими как истины, объединяющие их культурное, политическое, социальное и прочие переживания собственной бытийной правоты.

Николай Княжицкий приводил пример интерпретации Вольнской трагедии польскими политиками, да и исследователями, которые приводят факты, доказывающие историческую вину украинцев. Это, думаю, не является примером сознательной неправды со стороны политиков и политически и патриотически ангажированных поляков. Для них истина выступает в обличье именно так интерпретированных фактов великой трагедии двух народов-наций. Разве в сознательном информационном мошенничестве — в манипуляциях, фейках, прямом вранье и т.п. — кроется глубочайший источ-

ник ситуации постправды? Как показывает наша сегодняшняя дискуссия, суть вопроса ни в коем случае не сводится к такому примитивному выводу. Ее исправление, борьба с неправдой при универсальном транспорте информации — запомним этот концепт — не могут тут быть успешными лишь на пути “стоп-фейк” исследований и кампаний, равно как и морализаторства типа: “Люди, будьте честными!” Источник постправды находится в том месте, из которого исходит оправдание всех ее ужасных недостатков — коммуникации неправды. Оно оправдывает использование всех возможностей современной коммуникации для прагматического — безотносительно к принципам морали или права, которые можно назвать универсальными или международными, — утверждения собственного видения, собственных смыслов как истинных. Такое оправдание возникает в качестве защиты способа самопонимания или образа жизни той или иной общности — политической, национальной, культурной, профессиональной, исходя из тех политических, мировоззренческих или групповых интересов. Это так, и что этому можно противопоставить, остается центральным вопросом новой эпохи постправды. Из-за недостатка времени для высказывания своих соображений на тему взаимодействий человеческой правды и образа общей для всех — “философской” — истины я позволю себе на правах одного из модераторов этой дискуссии высказаться отдельно, в журнальной статье, которая будет помещена после материалов круглого стола.

Еще раз благодарю всех за участие, за высокий уровень обсуждений, о чем “свежая голова” на наших круглых столах, их новый участник Тимофей Милованов сказал, что это было очень глубоко.

Участники круглого стола

Быстрицкий, Евгений (модератор) — доктор философских наук, профессор, Институт философии НАНУ им. Г.С.Сковороды.

Белый, Олег — доктор филологических наук, профессор, Институт философии НАНУ им. Г.С.Сковороды.

Ермоленко, Анатолий — член-корреспондент НАНУ, директор Института философии НАНУ им. Г.С.Сковороды.

Касьянов, Георгий — доктор исторических наук, профессор, Институт истории НАНУ.

Княжицкий, Николай — народный депутат, председатель Комитета Верховной Рады Украины по вопросам культуры и духовности.

Костенко, Наталия — доктор социологических наук, профессор, Институт социологии НАНУ.

Макаров, Юрий — журналист, телеведущий, документалист, писатель.

Милованов, Тимофей — и.о. президента Киевской школы экономики.

Петренко, Галина — директор общественной организации “Детектор медиа”.

Степаненко, Виктор (модератор) — доктор социологических наук, Институт социологии НАНУ.

Материал поступил 03.10.2018

Received 03.10.2018